

# Противосидение

Юрий БОГОМОЛОВ



## Учебное вставание

Дни рождения шли один за другим: ФСБ и внешней разведки, Ольги Аросевой, ГОЭЛРО, Сталина, гимна с флагом и гербом. Один человеческий праздник, остальные — советские.

На гимн мы уже обречены, а отзвуки недовольства и одобрения все еще раздаются. Правда, заметно реже и глуше. Чувашский президент был недоволен процедурными неточностями — нельзя принимать музыкально-поэтическое произведение в розницу, то есть музыку без текста. Конституция не велит.

После почти единодушного голосования на Совете федерации произошло учебное прослушивание музыки Александрова. И тут же последовало учебное вставание. А также учебное не вставание Николая Федорова. Он чувствовал себя, конечно, некомфортно. Это было видно по «телекартинке»: опустил глаза, вчитываясь в новый законопроект.

Учебное противостояние, вернее «противосидение», оказалось наглядным и имело цифровое выражение — один против ста сорока четырех. Потом в программе у Александра Любимова, обеспокоенного ростком символической оппозиции, сенатор обосновал свой поступок: по закону не имел права стоять. Подпишет президент указ — и встану. Телеведущий успокоился.

Что-то выстраданное попытался объяснить Юрий Карякин, когда получал орден «Знак Почета» из рук президента. Сначала получил, потом сказал метафору, которую никто из телеканалов (кроме НТВ) не услышал. Смысл ее был в обиде на то, что нас, граждан России, желают женить на мелодии Александрова.

— А мы уже были с ней в браке, да развелись...

Возражение с «Почетом» в руках давалось трудно, слова застревали в горле... Не хватало непринужденности в деле гражданского протеста. Это опять же было видно по картинке.

Непринужденность была в выражении лояльности со стороны артистов и артисток. Вера Васильева сказала речь. Людмила Гурченко, фотографируясь на память с президентом, взяла его под ручку.

Самые нужные слова для орденосцев нашел глава государства: «Награждая вас, мы награждаем себя». Он не досказал: «...вами».

Кем он еще себя наградит в ближайшее время? Может, Жванецким?..

## Так говорил Жванецкий

Жванецкий еще до возможного визита в Кремль как смог объяснил, почему ему неприятен повторный брак.

У него на канале РТР есть авторская передача «Простые вещи», в которой он вместе со своим добрым приятелем Жуком пытается разобраться в смутных ощущениях, вызванных теми или иными событиями, ожиданиями, веяниями. Но формальный повод переживаний — алфавит. В последний раз они перебирали слова на букву «б»: «большинство», «бардак», «беспредел». Но часто сбивались ввиду глободневности темы на букву «г».

— Гимн — это притеснение, унижение, — говорил Жванецкий. — Чувствую себя неловко, его мощь — нечто преувеличенное, как преувеличено счастье в музыке Дунаевского.

Дальше — о том, что ощущал, но не смог объяснить сидевший во время исполнения гимна Николай Федоров, — о противосидении большинства и меньшинства.

— Большинство привлекает к себе человека. И под свист и улюлюканье меньшинство становится нелепым. Но гордиться приходится тем, что делает меньшинство. И лечиться большинству приходится у меньшинства. «Больных много, а врач один».

— Караоке сплавливает большинство, но запекает меньшинство.

— Когда в парламенте раздаются аплодисменты — быть беде. Депутаты радуются унижению меньшинства.

— Бардак — это когда все вместе. Это радость беззакония.

— Беспредел к бардаку добавил крови, крутые дали язык, а в наших банях столько отмороженных.

Вся надежда, стало быть, на меньшинство, например, на Путина, являющего собой олицетворение большинства.

Есть другой пример олицетворения — Фидель Кастро.

## Шепоты и крики

Путин был у него в гостях, а он — у нас.

РТР на бис дало интервью с ним. Интервью большое, затянувшееся за полночь. Первый раз все было довольно бессмысленно. Голос переводчика заглушался голосом Кастро. В кадре сидел пожилой барбодос с полинявшей харизмой и поредевшей бородой. Убежденность в его жестикюляции была, а связь между шепотами и вскриками угадывалась слабо. На следующий день редакторы и звукооператоры спохватились и переписали фонограмму. Связь появилась. «У нас одна партия, — говорил он, — но демократии у нас в сто раз больше, чем в Америке. Не партия выдвигает кандидатов в депутаты; их выдвигают партийные собрания».

Речи Кастро завораживают, когда они представляют собой густую звуковую массу, направленную экзальтированной мимикой. Стоит ее расчленить на фразы и абзацы, как обнаруживаешь, что она состоит из взаимоисключающих тезисов и пустопорожней риторики. Но для пропагандистского караоке этого вполне довольно. Если бы к этому еще добавить дармовую российскую нефть...

Фидель был экспансивен и печален. И понятно почему: социализм как экономическая система оказалась нежизнеспособной. Как военно-политическая — пожалуйста. А без внешних заимствований она не жила. С передаваемой грустью он рассказывал нам, россиянам, как под давлением обстоятельств пришлось впустить на остров доллар, как пришлось допустить почтовые переводы от бежавших соотечественников. На их пожертвованиях сегодня и держится социализм кубинского разлива.

Самым душераздирающим признанием вождя стало: «Сказать кубинцам о распаде Советского Союза — все равно что сказать: солнце завтра не взойдет. Но в один день солнце не взошло».

Теперь оно снова показалось из-за горизонта. Его приметы — гимн на музыку Александрова, энтузиазм парламентского большинства по этому поводу и плохо сдерживаемое ликование по случаю дня рождения чекизма.

## И явное стало тайным

Бойцы невидимого фронта наконец-то стали видимыми. Проступили габэшные погоны на плечах агрария Харитоновна. Все телеканалы — от ОРТ до «Культуры» — сочли своим долгом отметить документальными исследованиями о разведывательной деятельности органов. Почему-то особое внимание было уделено подвигам женщин на этом сугубо мужском поприще.

НТВ специализировалось на нелегалах-иностранцах. Неделей раньше канал показал фильм Евгения Киселева про немецкого физика Фукса, а на этой неделе он представил работу Кричевского про американских электронщиков Берга и Старонса. Первый помог нам с атомной бомбой, а вторые два двинули вперед нашу электронику.

Обе картины наводят на размышление. Если наши перебежчики (вроде Пеньковского и других) ловились на идеализме. Рассказ о том, как Старонс или Берг (точно не помню, кто именно) расплакался, увидев на улице Праги транспарант «Мы строим социализм», стоит многого. Социалистические нужники, правда, потом сильно разочаровали советских американцев. Оказалось, что патриотом социализма за его пределами быть много легче и приятнее. Но как бы там ни было, обманывать святых людей особенно нехорошо. От Фукса, как только его взяли, Советы тут же и отреклись. Что касается Берга и Старонса, то дело не столько в том, что их не отблагодарили достойным образом. Дело в том, что у них отняли дело жизни. Им укоротили научную судьбу. Это много драматичнее, чем не получить очередной орден.

\* \* \*

Между тем приближается предновогодняя телефестиваля, приближается первое неучебное исполнение гимна.

Для большинства встает новое солнце. На Кубе — это новая Россия со старыми рефлексамми. В новой России — это Куба, в которой доллар стоит сушии пустаки и где вождю, помимо музыки Александрова, нравится еще Джон Леннон.